

Г. В. Белякова

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ СУФФИКСАЛЬНЫХ ЛОКАТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Цель статьи – проанализировать такие пути развития деривационного потенциала словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных, как пополнение состава производящих основ, пополнение репертуара морфем, пополнение состава семантических субкатегорий. Автор приходит к выводу о том, что анализируемая словообразовательная категория обладает значительным деривационным потенциалом, однако востребованность его в современном русском языке минимальна.

G. Belyakova

DERIVATIONAL POTENTIAL OF THE SUFFIXAL LOCATIVE NOUNS' WORD-FORMATION CATEGORY IN MODERN RUSSIAN

The article is aimed to analyse such ways of development of the derivational potential of the suffixal locative nouns' word-formation category as replenishment of productive bases' structure, morphemes' repertory and semantic subcategories' structure. The author comes to the conclusion that the analyzed word-formation category possesses a significant derivational potential, however its demand in modern Russian is minimal.

Введение

Русский язык обладает весьма разветвленной сетью способов вербализации понятия пространства. Среди них наиболее актуальными являются лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические способы. Специфика вербализации того или иного понятия словообразовательными средствами заключается прежде всего в особом свойстве производных слов – свой-

стве двойной референции – отнесенности к миру действительности и отнесенности к миру слов. Однако психо-лингвальные механизмы осуществления двойной референции в процессе порождения производного слова все еще остаются в науке «неуловимой жар-птицей». Между тем, именно словообразование, по справедливому замечанию Т. И. Вендиной, позволяет понять, «какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются сло-

вообразовательными средствами, *почему* они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка»¹.

Известно, что в современном русском языке существительные со значением места образуются такими способами, как суффиксальный (*калинник, картофелище, ложбина, зимовка*), префиксально-суффиксальный (*взгорбок, заболотье, межгорье*), сложение слов или основ (*овощехранилище, сейсмостанция, кинотеатр*), префиксальный (*субарктика, подтропики*), субстантивация (*приемная, учительская, ванная*). Одним из наиболее востребованных способов вербализации концепта «Пространство» в русском языке является суффиксальное словопроизводство локативных существительных. Видимо, поэтому локативные существительные неоднократно становились объектами лингвистических исследований. Однако специфика суффиксальных локативных существительных по сравнению с локативами, образованными другими способами, не была определена в полной мере.

Объектом данного исследования стала словообразовательная категория (СК) суффиксальных *nomina loci*, под которой понимается схема именного словообразования посредством суффиксов имен существительных, формула толкования значений которых начинается с компонента **‘там, где’, ‘туда, куда’** либо **‘оттуда, откуда’**. Основным компонентом, создающим целостность СК, является словообразовательное значение (СЗ). По справедливому замечанию Н. Ф. Алефиренко, «осмысление СЗ подчиняется уяснению того, как членится выделенная и именованная действительность, под какие понятийные рубрики она подводится и какими языковыми средствами оформляется»².

В последнее время СК из разряда почти забытых понятий в теории словообразования переходит в разряд наиболее востребованных. Однако изучение данной комплексной единицы системы словообразования,

по нашему мнению, должно проходить не только в рамках традиционной лингвистики (традиционного словообразования), но и в рамках гипотетической лингвистики (гипотетического словообразования).

И. С. Улуханов подчеркивает, что «в идеале словообразовательная система должна быть представлена как организованная совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустуют»)»³.

Представляется безусловно верным утверждение о том, что прогнозирование появления новых дериватов должно опираться на анализ уже существующих единиц, а также существовавших ранее единиц; при этом необходимо также учитывать ограничения, действующие при образовании дериватов того или иного типа.

Возможности лексической реализации СК (в частности – СК суффиксальных локативных существительных) не привлекли еще должного внимания лингвистов. Между тем, изучение деривационного потенциала СК, безусловно, представляет большой интерес для понимания потенциала всей словообразовательной системы русского языка. Потенциал различных единиц системы словообразования является предметом многих деривационных исследований. Однако в качестве основного объекта изучения здесь выступают производные слова.

Как видится, не менее важным является изучение деривационного потенциала комплексных единиц системы словообразования, в частности – потенциала отдельных СК. По меткому замечанию Е. А. Земской, «жизнь новообразований, их рождение (появление), ослабление и умирание (вытеснение другими словами и выход из языка) происходит в рамках той комплексной единицы системы словообразования, которую называют словообразовательной категорией»⁴. Таким образом, знание механизма СК позволяет точнее выявить особенности нового слова, а также предсказать появление еще не существующих, но вполне возможных дериватов.

Производное слово в вербализации познаваемой действительности

Рассуждая над проблемой кодирования познаваемого в семантике производного слова, М. Докулил отмечал: «Постоянное развитие человеческого познания, охватывающего все более широкие области действительности и проникающего все глубже к ее основным связям и закономерностям, приносит с собой все новые понятия и более глубокое понимание старых понятий и тем самым ставит перед национальными языками задачу обеспечить эти успехи общечеловеческого мышления подходящими [выделено мною. — Г. Б.] наименованиями. Помимо того и изменения самой действительности (в общественной организации, технике и т. д.) требуют фиксации в новых наименованиях. <...> Эту потребность в новых наименованиях язык может удовлетворять разными способами, общим признаком которых является закономерная связь с тем, что язык уже создал, что в нем выявилось как жизнеспособное и способное быть основой и исходным пунктом для нового. Основой для новых наименований является запас слов и наименований вообще, свойственный данному языку; способы их построения, их образования определяются принципами и правилами, действующими на данном этапе развития языка в качестве определяющих закономерностей»⁵.

Весьма ценным здесь является утверждение о том, что наименования, «обеспечивающие успехи общечеловеческого мышления», должны быть «подходящими». Очевидно, удовлетворению данного требования будет способствовать учет особенностей всех компонентов словообразовательного акта — производящего слова, форманта и ожидаемого деривата.

«Построение» нового производного происходит по определенным схемам, уже существующим в языке. Е. С. Кубрякова, исследуя место словообразования в теоретической ономазиологии, приходит к весьма важному выводу о том, что наличие слово-

образовательных моделей «как бы облегчает выбор того, что должно получить отдельное название в окружающей нас действительности. Конечно, определение того, что подлежит называнию и что должно быть наречено языком, диктуется прежде всего практическими нуждами человека и его социальным опытом в широком смысле этого слова. Но ведь неотъемлемой чертой этого опыта является и знание языка, а следовательно, и знание (быть может, и не всегда осознанное или осознаваемое) логико-понятийных основ расчленения мира, принятых его языком. Человек познает категоризацию явлений действительности в том виде, в каком она выступает в родном для него языке. В подобной категоризации мира словообразовательным категориям принадлежит важная роль... [выделено мною. — Г. Б.]»⁶.

Понимание СК суффиксальных *nomina loci* как схемы образования существительных с локативным значением посредством различных суффиксов позволяет говорить о следующих путях развития потенциала данной комплексной единицы системы словообразования: пополнение состава производящих основ; пополнение морфемария; пополнение состава семантических субкатегорий (ССК), в основе выделения которых лежат частные СЗ обобщенного локативного СЗ.

Пути пополнения состава производящих основ

Использование нового значения производящего полисеманта

Общепризнанным в дериватологии является понимание того, что каждое производное образуется на базе строго определенного значения производящего. Следовательно, при неиспользованности того или иного значения полисемичного базового слова можно говорить о возможностях пополнения исходного компонента данной комплексной единицы системы словообразования. Потенциальные произ-

водные могут относиться к той же ССК, что и существующие, либо к иной ССК. Значительная распространенность полисемии в русском языке обеспечивает «потенциально неисчерпаемый» запас производящих. Однако анализ языкового материала позволяет утверждать, что случаи востребованности всех значений полисемичного базового компонента деривационного акта при образовании суффиксальных локативов не зафиксированы. Так, например, из семи значений производящего *катать* ('двигать, передвигать какой-либо округлый предмет, вращая, заставляя его скользить по поверхности', 'возить кого-либо на чем-либо для прогулки, для развлечения', 'быстро или много ездить, развлекаясь', 'вращательными движениями придавать чему-либо мягкому или вязкому округлую форму', 'разглаживать что-либо при помощи вращательных движений//подвергать прокатке (о железе)', 'выделывать из битой шерсти (об обуви, войлоке, шляпах)', 'означает стремительное, резкое проявление какого-либо действия'⁷⁾) для образования локативов использованы лишь два: *катальня* 'мастерская для валяния разных изделий из битой шерсти' ← *катать* 'выделывать из битой шерсти (обувь, войлоки, шляпы); валять' и *катальня* 'мастерская, цех по производству, прокату листового железа' ← *катать* 'плющить или вытягивать (железо, проволоку и др.), производить прокатку'. Еще пример. Существительное *кофе* имеет четыре значения (см.: МАС-2, II, 116), три из которых были использованы для образования суффиксальных локативов: *кофе* 'семена (зерна) кофейного дерева, порошок из этих семян' — *кофейница* 'коробка или банка для хранения кофе', *кофе* 'напиток' — *кофейник* 'сосуд для варки и подачи кофе' и *кофейня* 'заведение, где пьют кофе', *кофе* 'питье такого напитка' — *кофейня*. Одно значение существительного *кофе* ('тропическое дерево, из семян которого готовят особый напиток; кофейное дерево') осталось невостребованным: место, где растут такие деревья, называют ко-

фейной плантацией. Существуют также случаи нулевой реализации словопорождающих возможностей полисеманта. Так, например, существительное *какао*, относящееся к той же ЛСГ, что и *кофе*, не образует ни одного локатива. (Заметим, что *какаоovníк* 'место, усаженное деревьями, приносящими какао' (СЦСЯ-1867, II, 316) утрачено современным языком.) В качестве ограничений здесь, очевидно, следует рассматривать внеязыковые (значительно меньшая распространенность продукта) и внутриязыковые — морфонологические (финаль производящей основы содержит два гласных).

В большинстве же случаев суффиксальные *potina loci* образуются на базе одного значения полисемичного производящего. Это, как правило, объясняется бессмысленностью потенциального производного.

Использование того же значения производящего для образования локатива иной ССК

Анализ ЛСГ существительных, используемых для образования суффиксальных *potina loci*, показал, что в ряде случаев при производстве десубстантивов две или (реже) три ССК могут пополняться дериватами, образованными от производящих одной и той же ЛСГ. Так, от основы существительного, называющего какое-либо блюдо, могут быть образованы локативы следующих ССК: 'там, где находится', 'там, где изготавливают', 'там, где подают'. Объяснение подобного явления находим у Е. А. Земской и Е. С. Кубряковой: «Привычные связи исходного слова и их отражение в семантике производного составляют важную особенность смысловых структур дериватов. Ее изучение заставляет предположить, что набор тех семантических компонентов, которые не находят отражения в морфологической структуре слова, не безграничен. Он определяется теми естественными ассоциациями, которые существуют у говорящего в связи с мотивирующим словом и которые предпо-

ределяют выбор данного слова в качестве источника (базы) нового наименования. Для существительного *пожар* характерна связь с глаголом *тушить*, поэтому *пожарник* — это «тот, кто тушит пожар»⁸. Примером такой максимальной реализации словообразовательных возможностей является производящее *мороженое*: *мороженица* — ‘посуда для подачи мороженого на стол’, ‘прибор для изготовления мороженого’, ‘небольшое кафе, в котором основным блюдом является мороженое’.

В большинстве же случаев указанные возможности производящего остаются невостребованными. Так, например, от основ существительных *бульон* и *суп* образуются локативы субстантивного склонения со значением ‘там, где находится’ (*бульонница*; *супник*, *супница*) и локативы адъективного склонения со значением ‘там, где подают’ (*бульонная*, *супная*). Неиспользование одних и тех же суффиксов в подобных ситуациях, очевидно, можно объяснить действием антиполисемичных ограничений. В ряде случаев наблюдаются экстралингвистические ограничения: отсутствие потребности в номинации в связи с несуществованием реалии.

Следует также отметить, что не все *nomina loci*, будучи уже созданным, получают широкое распространение. Так, по нашим наблюдениям, для наименования типа кафе, где подают мороженое, обычно используют не суффиксальный локатив *мороженица*, а композит *кафе-мороженое*.

Возможно, при более узкой специализации компонентов морфемария анализируемой СК и, соответственно, при большей «узнаваемости» данные дериваты были бы серьезными конкурентами композитам и словосочетаниям, однако в настоящее время практически каждую ССК обслуживают несколько суффиксов.

Использование новых слов уже известных ЛСГ

На первый взгляд, использование новых слов уже известных ЛСГ представляется

наиболее перспективным путем развития потенциала анализируемой СК: количество слов каждой ЛСГ значительно больше, чем производящих основ, использованных для образования суффиксальных *nomina loci*. Рассмотрим, например, ССК ‘там, где находится то, что названо производящей основой’. Существование локативов данной семантической субкатегории, вероятно, можно объяснить потребностью в наименовании места, имеющего ту или иную ценность (историческую, культурную, археологическую и т. п.) либо выделяющегося своими особенностями, например: *городище* ‘место, где в древности стоял город’ (СО, 114); *селитрянки* ‘почва, насыщенная селитрой’ (ТСУ, IV, 136). Следует отметить, что некоторые подобные локативы относятся к пассивному запасу лексики (*амбарище*, *банище* и др.). Привлечение к исследованию материалов исторических словарей, а также толковых словарей, фиксирующих лексику предыдущих периодов развития русского языка, позволило сделать вывод о том, что наши предки имели большую «склонность» к «детальной» характеристике окружающего их пространства, к выделению отдельных участков этого пространства и, соответственно, использовали для этого большее количество слов (суффиксальных локативов), например: *погребщице* ‘обветшалый сруб, яма от бывшего погребка’ (СлРЯ XI–XVII вв., 15, 201), *погостище* ‘место, где был погост’ (СлРЯ XI–XVII вв., 15, 197), *мельничщице* ‘место, где стояла мельница’ (СлРЯ XI–XVII вв., 9, 84), *изгородище* ‘место, где была изгородь’ (СлРЯ XI–XVII вв., 6, 142). Большая детализированность проявлялась и при номинации различного рода вместилищ, например: *бисерница* ‘ящичекъ для хранения бисера’ (САР-1891, I, 187), *канифольница* ‘коробочка, в которой держать канифоль’ (САР-1809, II, 52), *румянница* ‘коробочка для румян’ (СлРЯ XI–XVII вв., 22, 255), *ледница* ‘сосудъ для держанія льда употребляемый’ (САР-1814, III, 540), *бритовникъ* ‘ящичекъ, въ которомъ держать бритвы с приборомъ’

(СЦСЯ-1867, I, 172), *душница* ‘сосудецъ для храненія духовъ’ (СЦСЯ-1867, I, 795).

К ССК ‘там, где находится то, что названо производящей основой’ относятся, в частности, названия различных видов посуды (*селедочница, супница, сухарница* и под.). Как представляется, при стремлении к большей дифференцированности предметов чайных и столовых сервизов, локатив *фруктовница*, а также неоднословные наименования типа *ваза для фруктов, тарелка для фруктов* могут быть заменены локативами типа *лимонница*, с производящей базой – основой существительного, называющего тот или иной фрукт, овощ или ягоду (ср.: *лимонникъ* ‘мелкая чаша на ножке с поддоном, в которой подавались на стол лимоны и вообще фрукты’ (СлРЯ XI–XVII вв., 8, 235); *лимонникъ* и *лимонница* – ‘любитель лимоновъ // сосудъ для храненія ихъ’ (ТСД, II, 252)). По нашим наблюдениям, в последние годы сформировался устойчивый интерес к производству номинаций вместилищ особого рода – различным коробочкам, шкатулочкам, баночкам и т. п. (*визитница, таблетница, джемница, тортница*). Это позволяет предположить, что деривационный потенциал данной ССК достаточно успешно подпитывается факторами когнитивно-ономасиологического характера.

Несколько иная ситуация у ССК ‘там, где подают/продают то, что названо производящей основой’. Подобные дериваты, являющиеся названиями предприятий общественного питания, в современном русском языке в абсолютном большинстве случаев представлены существительными адъективного типа склонения. Следовательно, образование локативов типа **бубличница, *чебуречница, *хинкальница* сдерживается антисинонимичными ограничениями (ср. с уже существующими производными *бубличная, чебуречная, хинкальная*). Здесь же, вероятно, можно говорить и об внеязыковых ограничениях: нежелание нарушить традиционный порядок названия определенного типа реалий.

Своеобразное «перепрофилирование» наблюдается у частного словообразовательного значения ‘там, где изготавливают что-л.’. Ранее подобные дериваты, как правило, использовались для наименования производственных мастерских, например: *сухарня* ‘заведение, в котором изготавливают сухари’, *гвоздарня* ‘мастерская по изготовлению гвоздей’. Сейчас данную подгруппу пополняют наименования различного рода посуды, в которой готовят то, что названо производящей основой, например: *сотейник* ‘сковородка для приготовления соте’.

Возникшая в 20–30-е гг. XX в. потребность в наименовании мест, где испытывают механизмы либо производят соревнования с их использованием была удовлетворена посредством создания словообразовательного типа, оформленного заимствованным суффиксом *-дром*. Однако впоследствии интерес к подобному рода дериватам резко уменьшился в связи со спадом интереса к подобным реалиям.

Использование в качестве производящих слов именных ЛСГ или грамматических разрядов

Производящей базой для суффиксальных *nomina loci* в современном русском языке могут быть основы существительных, прилагательных и глаголов.

Десубстантивы с локативным значением образуются от основ существительных мужского (*чеснок* → *чесночница*), женского (*щетка* → *щеточница*) и среднего (*вино* ® *винотека*) родов. Существительные общего рода в качестве производящих не используются, что, очевидно, обусловлено прежде всего действием внеязыковых ограничений: представляется сомнительной потребность в образовании локативов со значением ‘там, где живет’ либо ‘там, где работает’ от основ типа *пакса, соня, задира, забияка*; образование локатива от слова *сирота* сдерживается антисинонимичными результирующими ограничениями (ср.: *приют, детский дом*). В качестве про-

изводящих выступают основы существительных, называющих различные предметы, блюда, растения, людей, животных, механизмы. Использование слов иных ЛСГ (например, названия тканей, предметов мебели) представляется маловероятным.

В качестве производящей базы деадъективных существительных с локативным значением выступают основы качественных и относительных прилагательных. Суффиксальные *nomina loci* образуются от основ качественных прилагательных, называющих признак по цвету (*багровый* → *багровина*, *синий* → *синь*), по пространственным качествам (*высокий* → *высь*, *далекий* → *даль*, *узкий* → *узость*, *низкий* → *низина*). Относительные прилагательные, как правило, выступают в роли производящих основ в тех случаях, когда суффиксальные локативы вступают в особый вид отношений со своими производящими – отношения расхождения формальной и смысловой производности, например: *овсянице* ← *овес* и *овсяницей* ← *овсяной*, *рисовище* ← *рис* и *рисовище* ← *рисовый*, *торфяник* ← *торф* и *торфяник* ← *торфяной*. В единичных случаях адъективные основы являются единственным вариантом мотивировки суффиксального локатива, например: *безотвалка* – *безотвалный*, *бытовка* – *бытовой*, *альпийский* – *альпинарий*. Основы притяжательных прилагательных не используются для образований суффиксальных локативов, однако данные адъективы нередко являются компонентами двусловных номинаций типа *обезьяний питомник*, *бизоний заповедник*. Как показывают наблюдения, словопорождающие возможности притяжательных прилагательных крайне ограничены: на их базе образуются только наречия (*лисий* → *по-лисий*, *мамин* → *по-маминому*).

В качестве производящих для девербативных локативов используются преимущественно основы глаголов деятельности (*заварить* → *заварник*, *бить* → *бойня*, *защитить* → *защитка*), глаголов движения (*входить* → *вход*, *въезжать* → *въезд*, *заворачивать* → *заворот*), глаголов состояния

(*жить* → *жило*, *жилище*, *жилые*; *зимовать* → *зимовка*, *спать* → *спальня*). В качестве потенциальных производящих основ для производства девербативных суффиксальных локативов можно назвать основы глаголов звучания, глаголов восприятия, глаголов умения, глаголов эмоционального состояния, глаголов изображения, глаголов наказания и др. Следует отметить, что в истории русского языка отмечены периоды функционирования подобных локативов, например: *мучилище* ‘место для мучений, истязаний’ (СлРЯ XI – XVII вв., 9, 320), *молчальница* ‘особая, отдѣленная келья для безмолвного житія служащая’ (САР – 1814, 3, 342). Безусловно, глаголы некоторых групп имеют незначительные возможности стать базовыми основами для образования суффиксальных локативов. Таковыми, например, являются глаголы эмоционального состояния либо эмоциональных отношений (представляется странной потребность в специальном месте для выражения каких-либо эмоций).

Данное направление развития потенциала СК суффиксальных локативов представляется наименее перспективным в связи с тем, что анализируемая комплексная единица системы словообразования в русском языке имеет достаточно консервативный «характер». В результате этого появление производящих, резко отличающихся от уже задействованных, представляется маловероятным.

Пути пополнения морфемария

Заемствование суффиксов как средство пополнения русского морфемария

Пополнение морфемария СК может происходить за счет заимствования суффиксов либо при использовании суффиксов иных СК.

В XX веке морфемарий СК суффиксальных локативов пополнился следующими заимствованными суффиксами: *-дром*, *-тек(а)*, *-арий*, *-орий*. Суффикс *-дром* сформировал новую для русского языка ССК –

‘там, где испытывают механизм, названный производящей основой, либо проводят соревнования с его использованием’ (*танкодром, скейтдром*). Дериваты на *-тек(а)* и *-арий* пополнили запасы уже существующих ССК (соответственно, ‘там, где находится’ и ‘там, где растет’), однако, имея более узкую специализацию по сравнению с другими суффиксами, обслуживающими данную ССК, заняли свои сегменты. Так, *nomina loci* на *-тек(а)* являются наименованиями систематизированных хранилищ (*картотека, винотека*). Суффикс *-арий* образует наименования специально оборудованных мест (питомников) для выращивания растений или животных (*розарий, дельфинарий*) (искл.: *абортарий, гипнотарий*). Суффикс *-орий* образует локативы нескольких ССК, новым для исследуемой СК является тип семантических соотношений (ТСС) ‘болезнь – там, где лечат от этой болезни’ (*лепра* → *лепрозорий, люпус* → *люпозорий*), который, очевидно, может способствовать развитию потенциала анализируемой СК (см. ниже).

Таким образом, заимствованные суффиксы способствуют развитию потенциала СК суффиксальных локативных существительных в том случае, если формируют новые ССК либо имеют более узкую специализацию по сравнению с исконными суффиксами в рамках существующих ССК.

Использование суффиксов иных СК

Важную роль в пополнении морфемария анализируемой СК играют суффиксы, входящие в креативный репертуар иных СК. Таковыми, например, являются аффиксы *-тель, -трон* и *-ловк(а)*.

Суффикс *-тель* первоначально производил существительные со значением ‘лицо по действию’ (*учитель, строитель*). Далее аффикс приобрел предметное значение, образуя слова, называющие инструменты, устройства, установки и т. п. Н. А. Янко–Триницкая отмечает, что «в советский период возникли два существительных, со-

зданных по рассматриваемому образцу, но резко отличающихся по своему значению от всех остальных, обозначая не лицо и не орудие, а учреждение и помещение, где оно находится, – *распределитель* и *вытрезвитель*. <...> Первое из этих слов могло еще появиться в результате переносного употребления слова со значением лица или прибора, но второе, вне всякого сомнения, возникло сразу же в его настоящем значении. Возможно, что и учреждение вначале тоже могло быть осмыслено как орудие, средство для проведения тех или иных мероприятий, но все же это – учреждение и помещение!»⁹. Далее лингвист, размышляя о судьбе суффикса *-тель* с новым для него значением, замечает: «Будет ли это новое сопутствующее значение повторяться в новообразованиях, станет ли оно продуктивным, появится ли у данного образца еще одно сопутствующее значение и тем самым расширится ли еще больше, станет ли еще отвлеченней значение словообразовательного образца, или, напротив, с постепенным сокращением образования слов для названия лиц образец сузит свое значение до значения неодушевленного предмета – предугадать трудно»¹⁰. Заметим, что за срок лет, прошедших со времени выхода данной статьи, запас локативов на *-тель*, по нашим наблюдениям, пополнился лишь одним производным – *накопитель*. Следует отметить, что появление данного суффикса, очевидно, обусловлено стремлением восполнить такую лауну морфемария, как минимально функционально нагруженный (ср. *-ник*), не имеющий омосуффиксов (ср. нулевой суффикс) привербативный суффикс. Однако несоответствие *-тель* всем указанным критериям привело к его незначительной востребованности.

Локативы на *-трон* в современном русском языке представлены десубстантивом *климатрон* ‘помещение, покрытое прозрачными материалами, в котором создаются климатические условия для выращивания растений различных географических зон’ (ТСИС, 327) и деадъективом *фитотрон*

‘Бот. Камера (или комплекс камер) для выращивания растений в регулируемых искусственных условиях с целью изучения влияния факторов внешней среды’ (ТСИС, 748). Суффикс *-трон* активен в физической терминологии. Он используется для образования производных — названий различных установок. Представляется весьма удачным закрепление за указанным суффиксом функции образования локативов, называющих место (обычно вместилище), в котором создан тот или иной тип среды. Данное частное СЗ в настоящее время вербализуется посредством нескольких суффиксов, имеющих, кроме указанного, и иные частные СЗ. Использование суффикса *-трон* для создания подобных дериватов позволило бы развить специализацию компонентов морфемария анализируемой СК.

Локативы на *-ловк(а)* называют место, где совершается действие, названное производящей основой, либо место, предназначенное для совершения действия, названного производящей основой: *вытрезвить* → *вытрезвиловка* ‘то же, что вытрезвитель’, *грабить* → *грабилловка* ‘местность, известная грабежами’, *забегать* → *забегалловка* ‘второразрядная закусовая с продажей вина’, *обдирать* → *обдиралловка* ‘место, где вымогают, грабят’, *обирать* → *обиралловка* ‘место, где обирают’. Использование данного суффикса позволило удовлетворить потребность (весьма незначительную, но существовавшую) в образовании локативов с пейоративной окраской.

Таким образом, даже при наличии значительного количества компонентов морфемария СК суффиксальных *nomina loci* «открыта» для новых аффиксов, которые смогут упорядочить отдельные сегменты словопроизводства локативов.

Пополнение состава ССК

Местоименные компоненты ‘там, где’ и ‘туда, куда’, начинающие перифразу суффиксальных локативов, являются общей наметкой, своеобразной отправной точкой для формулирования локативного значе-

ния. Его конкретизация позволяет выделить частные СЗ и, соответственно, ССК. Таковыми для анализируемой СК являются: ‘там, где находится’, ‘там, где живет’, ‘там, где растет’, ‘там, где совершается действие’ и др. Прогнозирование появления новых ССК, по нашему мнению, должно прежде всего опираться на те языковые единицы, которые существовали в прошлом, а также на так называемые семантически изолированные локативы.

Так, например, историзм *волковня* ‘1. Яма, приготовленная для ловли волков, то же, что волчья яма’ (САР —1891, I, 491) имел тип семантических соотношений (ТСС) ‘животное — там, где ловят животное, названное производящей основой’. Тот же ТСС свойствен и единичному современному локативу *белушатник* — ‘база для ловли белух’. Таким образом, с высокой долей вероятности можно предположить, что в отношении подобных дериватов действуют экстралингвистические ограничения, заключающиеся в не востребованности конечного продукта потенциального акта словопроизводства.

Уникальный ТСС (‘лицо — место как результат действия лица, названного производящей основой’) имел дериват *дятловина* ‘место в деревѣ, во пнѣ, издолбленное дятломъ’ (ТСД, I, 512). ТСС ‘действие — место как результат действия, названного производящей основой’ имеет в русском языке ряд девербативов, например: *надпил, скол, шов*. Однако десубсантивные локативы, подобные указанному выше, в современном русском языке не фиксируются. Близким указанному ТСС является ТСС ‘предмет — место как результат использования этого предмета’, который имеют кодериваты *лыжница* (устар. или обл.) и *лыжня* ‘колея, накатанная лыжами, след от лыж’ (БАС, 6, 410) (ср.: *лапотня* ‘пск. твр. слѣдъ лаптя, ноги обутой въ лапотъ’ (ТСД, II, 237)). С некоторой натяжкой к данному ССТ можно отнести существительное *дуплице* ‘полость в пне, оставленная от дуплистого дерева’ (СлРЯ XI — XVII вв., 4, 316).

Другие семантически изолированные суффиксальные локативы (*планетарий* ‘там, где изучают’, *самбодром* ‘там, где танцуют’), как видится, не могут образовывать ССК. Некоторые шансы здесь, возможно, имеет ТСС ‘болезнь – там, где лечат от этой болезни’; который (при наличии «общественного заказа») может сформировать ССК, оформленную суффиксом *-орий* (см. уже существующие локативы *лепрозорий*, *люпозорий*).

Таким образом, пополнение состава ССК за счет семантически изолированных суффиксальных *nomina loci* представляется маловероятным.

Заключение

СК суффиксальных *nomina loci* обладает значительным деривационным потенциалом. Однако его востребованность («реализуемость») минимальна. Тем не менее проведенное исследование позволяет утверждать, что словопорождающие ресурсы данной СК могут обеспечить потребности в наименовании практически любого пространственного объекта. Причем в ряде случаев возможны вариативные образования, что, безусловно, повышает «жизнеспособность» указанной комплексной единицы деривационной системы русского языка.

Анализ количественных параметров показал, что из 10 основных частных СЗ наибольшее число производных имеют следующие типы *nomina loci*: 1) ‘место действия’ (*белильня*, *читалка*, *изолятор*), 2) ‘место как результат действия’ (*царапина*, *надрез*, *подпил*), 3) ‘место нахождения чего-л.’ (*сахарница*, *бумажник*, *пепельница*), 4) ‘место проживания / отдыха’ (*бомжатник*, *курятник*, *дельфинарий*), 5) ‘место, характеризующееся каким-л. признаком’ (*багровина*, *глушь*, *новь*), 6) ‘место произрастания какого-л. растения’ (*брусничник*, *березняк*, *розарий*). Следует заметить, что 1, 2, 4 и 5-я подгруппы в настоящее время практически не пополняются новыми словами, что, очевидно, объясняется достаточной степенью «названности» подобных реалий. Весьма

незначительной продуктивностью обладает 6-я подгруппа. В третьей же группе, как правило, появляются слова, называющие место, где предмет не просто находится, но хранится. Обычно это наименования различного рода вместилищ. Заметим также, что с появлением в русской морфемике заимствованного суффикса *-тек(a)* возникла подгруппа *nomina loci* – названий систематизированных хранилищ однородных предметов (*винотека*, *запахотека*, *картотека*). Как представляется, потенциал данной группы ограничен лишь количеством предметов, для сохранности которых необходимы определенные условия (в частности – размещение их в специально оборудованных вместилищах).

СК «работают» в языке практически без временных ограничений, ибо они вербализуют наиболее важные для общества понятия, потребность в которых может возрасти либо уменьшиться, но не может исчезнуть. Могут выходить из употребления дериваты, созданные в рамках СК, могут архаизовываться отдельные словообразовательные типы, но СК как максимально абстрагированная схема образования производных функционирует в языке неограниченно долго.

Потребность в вербализации понятия места, очевидно, будет существовать всегда. В связи с этим изучение способов именования вместилищ, территорий и пространств является актуальным и перспективным.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что суффиксация как способ вербализации понятия пространства в современном русском языке обладает разветвленной сетью деривационных моделей, апробированных не одним поколением и способных обеспечить восполнение самых разнообразных лакун.

Итак, выявленные нами лакуны могут быть, а могут и не быть заполненными. Кроме того, практически невозможно предсказать время появления того или иного суффиксального *nomina loci*. Однако для

нас принципиально важным было доказать, что, несмотря на общераспространенное (и, безусловно, справедливое) мнение о незначительной продуктивности, СК суффиксальных локативных существи-

тельных в русском языке обладает внушительным деривационным потенциалом, и ее лексическая реализованность мизерна по сравнению с возможностями ее лексической реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М.: Индрик, 1998. — С. 9.

² Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. — М.: Гнозис, 2005. — С. 243.

³ Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / Российская Академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — М., 1996. — С. 7.

⁴ Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Ин-т рус. языка РАН. — М.: Наука, 1992. — С. 25.

⁵ Dokulil M. Tvošeni slov v ieľtine. — Praha, 1962. — С. 193–194.

⁶ Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (Виды наименований). — М.: Наука, 1977. — С. 236–237.

⁷ В статье использованы следующие сокращения: ТСД — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Терра, 1996. — Т. I–IV; ТСИС — *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Русский язык, 1998. — 848 с.; СО — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1988. — 750 с.; СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С. Г. Бархударова. — М.: Наука, 1975. — В. 1 (издание продолжается); САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. — Ч. I–VI; МАС-2 — Словарь русского языка / Под редакцией А. П. Евгеньевой — М.: Русский язык, 1981–1984. — Т. I–IV; САР — Словарь русского языка, составленный Вторым отд. Акад. наук. — СПб., 1891–1920. — Т. I–VI и в выпусках; БАС — Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948–1965. — Т. 1 — 17; СЦСЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отд. императорской Акад. наук. — СПб., 1867. — Т. I–IV; ТСУ — Толковый словарь русского языка / Под редакцией Д. Н. Ушакова. — М.: Терра, 1996. — Т. I–IV.

⁸ Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Проблемы словообразования на современном этапе (в связи с XII Международной конференцией лингвистов) // Вопросы языкознания. — 1978. — № 6. — С. 119.

⁹ Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 95.

¹⁰ Там же.